

Пьер РИШАР: *Моек. правра. - 1996. - 26 окт. - с. 8.*  
**И зачем я в тридцати фильмах снимался...**

На днях здание Всесоюзного Киноцентра зрители буквально брали штурмом. Желющих увидеть воочию звезду мирового кинематографа Пьера Ришара, приехавшего в Россию представить свою новую картину - 1001 рецепт влюбленного француза, было множество.

Растерявшийся Ришар, оглушенный столь шумным приемом, аплодисментами, стоял на сцене и, качая головой, закрывал лицо ладонями. Видимо, он даже не ожидал такого успеха у столичной публики.

Вашему корреспонденту удалось задать артисту несколько вопросов относительно впечатлений от съемок, работы с грузинскими коллегами и встречи с российскими зрителями.

- Я очень взволнован, - ответил Пьер Ришар, - что мне придется представлять это кино. Этот фильм кажется мне немножко французским, но больше он все-таки грузинский.

И, встретившись со зрителями здесь, я очень горд, что я - француз - являюсь как бы послом Грузии в России. Весь этот фильм - это какое-то невероятное приключение.

Я приехал в аэропорт Тбилиси в первый раз в моей жизни. И увидел, что меня все ждут. А когда уезжал, то опять много-много людей поехало со мной в аэропорт, и они все плакали. И я плакал. А это были рабочие, которые помогали мне на площадке. Вот с такими ручищами, мощной грудью. И эти огромные люди украдкой вытирали свои скупые мужские слезы. Это меня потрясло.

Я себе обещал, что ни за что не буду плакать, но так и не смог сдержаться.

Мы пережили такое замечательное приключение все вместе. Огромные трудности, которые испытывала Грузия, сказались и на съемках. Иногда у нас не было воды. Даже для питья, не говоря уж о том, что на лице - грим, который надо снимать. Ну я воду все равно из-под крана не пью.

Иногда отключали электричество и не было солярки. Но в противовес всем этим сложностям был огромный оптимизм и динамизм. Мне было холодно. Мне было жарко. Но больше всего запомнилось то, что было тепло на сердце на протяжении всех этих съемок.

В Грузии необыкновенно

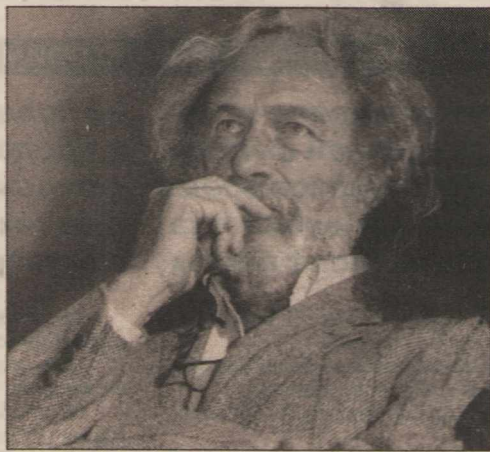
гостеприимный народ. Если французов можно сравнить с муравьями, то грузин - со стрекозами. Мне очень нравятся летающие стрекозы. Я тоже там пел, как кавказцы. Разгуливал в подаренной черкеске, и через это - уважение обычаев - нашел с ними общий язык.

Знаете, удивительная история. Это была единственная съемочная площадка в моей жизни, когда массовка вдруг начинала петь. И режиссер Нана Джорджадзе, к моему изумлению, говорила: «Перестаньте все работать. Вы не видите - люди поют?»

И мы все переставали работать. Поворачивались и смотрели на массовку, которая пела песни. Эта свобода во Франции была бы немислима. Там я знаю свое расписание почти по минутам на несколько недель вперед. Здесь же все было абсолютно непредсказуемо. Я мог нервничать по поводу того, что съемочное время заканчивается, а еще не снято несколько сцен. Обращался с этим к сценаристу Ираклию Квирикадзе, а он, «успокаивая» меня, говорил, что придумал еще одну, новую. Сценарий меняли по ходу съемок.

У меня сложилось впечатление, что в Грузии поют все. И массовка - это люди, которые были великими оперными певцами. Я просто совершенно покорен вот этим единством.

В картине я старался сыграть персонажа, который вначале кажется весьма поверхностным, легким. А потом показывает нам, что у него - очень сильный характер. Что он способен многое преодолеть в жизни.



И вы знаете, именно это в нем очень понравилось.

Вообще это была сама судьба, что я сломал ногу. Я лежал во Франции у себя дома и не мог двигаться, когда на пороге у меня появились сценарист и режиссером. Мне пришлось их внимательно слушать.

И вот приключение это продолжалось. Я на несколько дней приехал в Москву. Я уверен, что и здесь, как в Грузии, я найду друзей. Потому что сейчас, хотя фильм закончен, я все равно его сопровождаю, как своего родного ребенка.

И что меня особенно потрясло - моя партнерша. Это что-то необыкновенное. Она - не профессиональная актриса, но профессиональная журналистка, великолепно знающая французский.

Я как-то осторожно относился к журналистам до этого. Но у нее была такая чувственность, что техника актерская ей оказалась ни к чему. В первые дни она так боялась, что протягивала мне в кадре руку, и рука дрожала. Я смотрел на ее руку, и если рука дрожала, я начинал ее смешить. Она хохотала, страх испарялся. И Нана говорила: «Скорей мотор включайте, камера!» Это была очень юная девушка. Она сразу же поняла, что такое ее роль. И ей, наверное, казалось, что я ей очень много даю, а мне сейчас кажется, что - наоборот. Думаю, зачем я вообще в тридцати фильмах снимался, если она играет так же хорошо, как и я.

**Подготовила Елена КУРБАНОВА.**

**На снимке: Пьер Ришар. Фото Д. ТКАЧЕНКО.**